

ПЕТРЪ ПОЛЪ

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Куприн. Купол св. Исаакя Далматского. Повесть.	3
Константин Кавафис. Стихотворения. (Перевод Геннадия Шмакова под редакцией И. Бродского).	31
Иосиф Бродский. На стороне Кавафиса. (Перевод Льва Лосева)	45
Давид Самойлов. Фарс о Клопове или Гарув аль Рашид	57
Виктор Ерофеев. Последний русский философ	109
Михаил Кузьмин. Дневные листья — ночные корни	121
Бахыт Кенжеев, Анатолий Шор, Михаил Крелс, Николай Кононов, Валерий Земских, Аркадий Кленов, Михаил Окунь, Татьяна Вольтская. Стихотворения	127
Татьяна Толстая. Самая любимая. Рассказ	144
Ольга Ефремова. Близнецы. Рассказ	163
Виктор Ширали. Стихотворение	181
Андрей Битов. Битва. (Из цикла)	187
Юрий Леушев. Кораблекрушение. Рассказ	192
Михаил Казак. Вос создаваемое	197
Геннадий Григорьев. Ночной дозор.	206
Виктор Соснора. Охота на масонков	209
Валерий Попов. Сон, похожий на смерть. Рассказ	219
Владимир Микушевич. Логика алогичного. Следы на снегу	227
Ханс Арп. Тем темнее темнота. (Перевод Владимира Микушевича)	230
Беренд Виспелвей. Стихотворение. (Перевод Н. Я.)	234
Николай Якимчук. Калоши Распутина. (Историческая история)	235
Арсен Мирзаев. Внутритворение реальности	241
Виктор Липатов. Маленькие безумства. Рассказы	244
Саша Соколов. Палисандрия. (Из романа)	251
Андрей Черных. Австрийское поле	258
Александр Володин. «На вашей планете я не проживаю...» (Из записок нетрезвого человека)	275

Редактор Н. Якимчук
Художественный редактор И. Корб
Технический редактор Э. Крахмальник

Сдано в набор 25.12.90. Подписано к печати 1.09.92. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 17. Тираж 5000 экз. Заказ 52. Цена договорная.

Издательство журнала «Юность»
(Санкт-Петербургский филиал)
при участии издательско-коммерческой фирмы «Водолей»
ПО-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55.

ВИКТОР СОСНОРА

ОХОТА НА МАСОНОК

Дождь льется, ставлю стаканы, чтоб радиоактивились, стекла оптику ломают, сдваивают до прозрачности, клюквенные конфеты, формат окна — луна. Ночь. Дорога лучей идет вверх, а камней — вдаль, лампочка под небом светит, люди идут в югославских сапогах со шнуровкой на охоту, ловить масонка, наловят, обесчестят и выпустят в муслине, масонки живут в магазинах и царствуют, у них напильник для пилки дров. Тут лесник говорит повешен и расстрелян. Дети возят собак. В магазине голубые брюки навyleт, с вырезом спереди для органов. Алкоголизм пришел к концу под влиянием лучей из Москвы. На лютеранской кирхе петух — топографический, скоро начнут менять на советский крест. Люди поют, бедная, лунная земля. Нож дугой для горла, в нем штопор чтоб вскрывать бочки, я ношу нож в масонии, необходимость. У свиньи свинок, младолетний. Сидят сорока и собака во дворе, разговор: было ль И у греков, древние не дураки, они не думали, а новые сидят у ТВ, где Ганди III с тигром хвостами сцепились. Надвигается буря, летят куски бумаги, сверкнуло, зеленое стало более зеленым, молния в натуральную величину, бесполо множатся индейки, вместо мужчин женщины часто применяют луч (из-за туч!) Масонки живут в камыше, они носят очки, есть еще лысые масонки, но о них отдельно. То что я пишу, это непереводаемо, по вечерам они становятся в озеро, рядами и ждут, дрожа. Ходят в сапогах по озеру высокие люди, шестиэтажные, рот 3 м³, их легко опознать, и уши со щелочкой, куда вдевают булавку, они вытаскивают сбежавших масонка из-под земли — и что, поглядят как дураки и опять в воду швырнут, вот в этот-то миг и можно увидеть масонку, и теч. счастливец из разных стран (разностранных?) — римляне, яванцы, иранцы и белоруссы — их видят. Больше я не знаю национальностей. Кому (редко!) удастся сблизиться с масонкой, тот счастлив. Бывает, что их бьют из ружей, но это в октябре, с 6 по 9 тут много охотников, но на отстрел дают только одну им, вот и бьют, кто саблей, кто остройгой, кто шомполом, кто кольцом, ругают, из лука пули пускают и разные роды оружия. Половое влечение к масонкам не знает границ, меры, оправдания, удержку, ничего не знает, кроме полового влечения, и это последнее,

что нам осталось на нашей земле (я мужчинам говорю).

Когда «мир» «впал» в «ужасы» I мировой войны, Д. сказал балету: нужно заставить смеяться. Но от нас плакали. Волос женский кружит в воздухе, чайка из алюминия взорвана изнутри, с любых птиц у нас сыплются пули. Главный «ужас» I войны газы, прошло 73 года, я сижу у газовой печи, мешаю угли, целуюсь в очки, а потом подойдет воинство в зеленых галифе, дадут ногами под зад и я кувырк в газ, сгорел, не убив. Проснусь ночью, поем рахат-лукума, тяну ногу к чашке щербета, чтоб пододвинуть ко рту, глаз разлился и видишь: из стен торчат штыки, не поштучно, а массой. Вынь у женщин уста изо рта, положи себе на губы, женщину выгони и так спи. Один. Чтоб заставить мир смеяться, нужна война, тогда сядут немцы в круг на колесах и засмеются над евреями, сидящими в газовых застенках. Тогда байронистка Эльза Кох будет пить из черепа, как из кувшина, а из шкур русского сделает бюстгальтер с надписью: не забуду мать родную. Смеются самоубийцы, я их видел, окружен был, окружение, сейчас когда я остался один, а они отдали свой долг Верху, смеюсь. Ох ты, ох ты Эльза Кохта, я сушу человеческие кожи до тонкости пергамента, до тонкоты и ставлю на них те, Ихние литеры, они пробивают копир-ленту и образуют узор, — книгу. Покажут мне свежесодранную 14 лет, женщину предпочтительно — смешно, или палку с надетой на нее головой читателя, как не осмеять. Я знаю есть страна (край, рай) где лимон — цитрус цитат.

Боги и звери идут, дуя в трубы (губы!) и дословно диктуют тексты. Женский таз для мытья ног, холодняющий, успокоит. Солнце из трех лимонов. Ползает туловище собачки во дворе, как подсвечник, две миски у пса, фаянс и олово. Кошка светлый леопард с двумя лапами обнимает пса, как девочка. Чудный воздух наполнен в груди, влево от центра апельсиновый цветок. Овцы жирные, мирные лежат, одеты в меха, что ж, через 7 дней у них аудиенция с Тем, ножа жжение. Поймал масонку меж двух досок, взволнован, я дал ей мед, лижет (стеклянный). Птичка летит, птичка по земле с клеванием идет. Дождь бил черемуху, спелую. Машину остановили, выставила колено женщина в саване, обод волос (колено одетое), спрашивает, где допинг? — у нее ужасные глаза, хлопает дверцу. Х. и Ю. рвали елки, я спросил «новый год?», а они венки плели покойнику, их мертвец, будут нюхать ветви хоронящие, довольствоваться жизнью, тут мужчины мрут, ступни 52 размер обуви, тут не шьют фабрики. Я спросил, а женщин хоронят? На меня выпучились: ты об масонках? Ну да. О друг, они ж невыловлены, и вправду я никогда не видел, чтоб хоронили масонку, женщину, они плавают, я им костюмы бросаю, сапоги для ловли масонок уже куплены, магазин

пуст, скоро сезон, круглые ружья чистят.
Час печали — II. Пенной пропитано тело алых, многих несут на носилках, как солища, у санитарок лица завязаны белым халатом. В лесу чиста печаль — грязь, сопки, хлябь, раскопки, спиленные ели, шкурные; это рубят лес уничтожители, лес идет на свалку. Сыроежку высматриваю, как нечто невероятное, жизнь согнута и гаснем, нео-пни, лесная хроника рушится. Ну что ж ну что ж уменьшается к ночи дневной пыл, скоро яблоко выкатится. Классические стулья не всем служат. Я всегда боялся ре-диез и си-бемоль, грубый звук и пищит. В лесу много кружочков, вот гриб-кружочек, рыбка-кружочек, птичка-кружочек, лист-кружочек, свист-кружочек, а муравей? — да. Каждую ночь встает треугольник солища на Ю.-В., светло-зеленый, крепкая рука выкатывает луну на дорогу, и идут волки, и собственная кожа, одетая становится теплой, я грею рога, подбиваю гвоздем ногу, ищу второй глаз. Кто ты (я о себе)? Секрет вина в возможности жить, как слоны, алкогольные. Шар, похожий на костер загоревшейся цивилизации — в небе, пустом. Стали носить ватные плечи, мода 30-х гг., скоро в вату закутают и армию, появляются шелка, потом будут бить кнутом на Сенной и выходить часу в шестом. Облачные голуби гадят из клювов, о проститутках поют в газетах, зовут на пирог из гуся, из гусиной шеи. Кипяти ноги перед СПИДом. Тупая сила, обученная таблица, любит без слез. Падают отвесы. Я не знаю жизни, а принимаю закат, как звезду шара. Масонки пишат на шубах, складывают их в шкаф и берегут до второго пришествия, я читал шубу за шубой, описания света и побоищ. Здесь мужчина шьет одежды, варит раков, сушит мокрые носки, с 16 до 60 лет строит себе катафалк, после 60 едет на нем на кладбище, его провожают женщины из кружев. Тут и матриархата нет, детей кидают в лохань, и ее прибывает волной к мужскому берегу. Мужчина берет ребенка в рюкзак, закрутит члены, какое уж тут воспитание. В сутолоке автобуса билось сердце: я оставил на балконе дверь, не закрыл, в нее входят воробы, пыли, женщины, машины, бронетранспортеры, крадут бриллиантовые залежи, полки с книгами с личной подписью Шекспира, Гомера, Орфея, разграбив по книгам, лезут на стены, а там Паоло Учелли, Гольбейн Младший, Рублев, Вермеер, Катя Медведева с Эйно-Сиротой; награбили и это; рвут обои, а под ними слои долларов, франков, стерлингов, динаров и валюты; и это взято; иконы, в них засушены уши св. Франциска Асизского и пр. св. Теперь в квартире полная бездуховность. Еду, дробится что-то в мозгу, со щелочью. Вскрыл ключ. На балконе закрыто, в кабинете стена на месте, бриллианты и книги целы. Еду назад. Автобусные вагончики заблестели из стекол, в них головки, обтянутые кожей, у шофера ротик пуговичкой, а внутри в автобусе холод вест, буд-

то это едущая льдина, колесная; я сидел тихо в судорогах, Ленинград катился вдаль, дома исчезали. Хорошо б возникнуть вокруг города и кричать: все спокойно, все спокойно! Так и ночь незаметно пролетела б как в прошлом. Кожа нерусская, сырая, из кнутов свитая и рты кривоухлые, непородист народ. На закате туча света, у длинной собаки две миски, похожи на латы, новыкованные, а пес в будке на цепи, а сороки тут летают, не разлетятся; закат действует как вино, как легкое лекарство, розовое. Раскрашенные яблоки. Корова идет на Вы, а говорит Мы. Корова увидела, закусил цепи и набросилась, вот бы мне такую, кто ее предки — скандинавы? Она на меня глаз крутит лихой, злобно-зверский, меня она тоже возьмет на вес, на роги. Интересно, как холод идет через стекло, какой он энергичный. Чего б я сейчас съел, морковку и рыбу красную и сладкую, в соли вымоченную, чистолюбивую; беды не будет, если я поем; но я ем с другой гравировкой, кашу и мясо, маловкусное, как бы прожить еще лет 10—20, чтоб рука крутилась вдоль туловища, обнимая за женщину, чтоб на голове росли речи в области теменной пустоты.

Затылок плоский, знак древнего рода, раковины уха повторяет узор мозга, небритость молодит, легкие штрихи лица, нахлобучка черепа на глаза, шея столбом, на горле вена, руки королевские, ноготь на безымянном пальце образует усеченную призму, силы много, ноги как у льва в юности, тонкие стопы, таз как у льва зрелого, каждые два-три месяца в грудь вонзается кинжал, — автопортрет.

Впервые видел, как из ржи выскочила масонка, обвязанная и понеслась по обочине, на голове блуа, я делаю руку трубочкой, чтоб смотреть и побежал за нею, ноги не гнутся, бежит как деревяшка; я не рвал, смотрел цветы, озерные, если смотреть, сам запестреешь, я запестрел. Закат с голубым в конце. Бывает ли проза беззвучная, но это литература, многие пишущие думают в уме, что они-то и отлично дописались! Проза это не то. Это когда звук с третьей страницы слившись с четыреста семьдесят шестой образуют вдвоем цвет вечера птице-черный. Дождь дует, брызжет, сорока сидит в трубе, оттуда стрекот, ну и дела, идилические, я не помню, у кого из народов черные губы? Сейчас девушки ходят с золотыми щеками и надо мыться хоть лонни, хотя б лицо вымыть насухо, я не встречал за последние 30 лет девушки, которая б на ночь вымыла ноги. Вчера пришла мысль (и ушла): отчего умер Наполеон на о. св. Елены, воды сколько хочешь, в чистоте, деньги были, книги сам писал фигурально, на отдыхе, импровизир; молод, силен, красив, поклон Европы, ел вкусно, биллиард. Он умер. Не будем забывать о том, о чем забыл мир: корсиканский мафиози, он и вел себя

в своей фамилии. Он жил где-то долго и грустно, по договоренности.

К собаке, кошке и сороке прибавилась метла, ходят, полеты-вают, а метла стоит, на палке прутья, во дворе чисто, гости наедут, деревьев нарвут. Клен красивый у дома, пол обит железом, как в кузнице, кровать из железа, ватой подбита. Х., Ю. и внучка, вот и жизнь тут густонаселенная, карандашом вены красит — внучка, муха, черная летает на своем аппарате, ручка пишет пастой, картошка варится, женственная, то живот с дево-пупком, то грудь, то задние части, а вынешь — слава богу картошка, шесть маленьких белокожих варю, в цилиндрической кастрюльке, пар рвется ко мне; сижу, прижав нож к губам, нож рядом, бриться это трусость поведенческая, уж лучше стрелу пустить бумеранговую в себя, она выйдет у лопатки, наконечник выглянет как мышка железная и ты тихо пойдешь к Отцу дорогою плоскостей. После многих лет, проведенных среди л(юдей) хорошо уйти Вверх, там сияют лампы дневного освещения, полная гиря луны, лежат с ногами боги и их дети без жен, кубический закон массы, усеянный огнем, путь один — Молочный, приближаюсь; близятся дни, когда рты закроют губами, ведь мы говорим при помощи электричества, его вырабатывает плазма, текущая меж всеми частями тела; приближается бег стрелки высокочастотной, ее возьмет Некто и преломит как шпагу над головою, и все металлы сольются в один, неразъемлемый, и люди сойдутся, чтоб стать одним ч(еловеком), тут-то его и повесят; и сядет тот Один на металлическую лаву как на пластину и посмотрит сквозь руку, сквозь брови, сунет пластину за пояс и полетит, очертясь по вселенной. На этом и оставим планы на будущее. Идут гордые друзья с букетами звезд-букв и будем бить в обручи стрелой русской тоски. Пришьют пуговицу к ноге, это в тысячу раз хуже пронзенных ног Христа. Всюду призматическое яйцо, птицы видят север, крошечные реки идут со склонов, поля пусты, запоздалы, мы спускаемся на перевалах с иных дел, чтоб описать эти.

Видел Г., господин, в том году весил толсто, мойщица подногов выросла, в том году девчонкой гоняла по полу, смотрит без головы на мужчин; кассирша кулаком стучит вместо счетов, а повар с локонами (мужик). С подноса хлеб падает, овальный по императорски. Выставка блюд похожа на тюрьму, берем с решеток, — город, город, черные крыши. В магазине меряют обувь, ноги вытянуты, наденет сапог на ногу и тянет к потолку, идешь как под арками, если и сядешь, столько ног скрестится, что не встать. Куда бы я ни приехал, это замкнутое пространство, камера-обскура, круглая шелка, мир перевернут, вверхногий. Если шествуешь с пламенем, ворнуясь, ты нормален, увиделся с жизнью в гравировальных досках, но вот ты у стекла и смотришь на предмет до

того, что оба изнемогли — и ты и предмет — много дано, друг, идеализма, держи конверт пошире, получишь письмо, что ты постиг две точки А и Б, удвоив их до АА и ББ. Кожа открывается, если ее не любят долго и обнажает ч-ские города нервов и вен, мы еще запомним этот рисунок на 93 стр. жизни. Уже есть крысы с ч-ский рост, им скармливают мертвых, если 1 млн. крыс выпустить на Европу, будет бум, водородная бомба для них тучка с огоньком; уничтожив Африку и Аравийский полуостров они попылвут за океан к свободе, они могут спать и плыть, их скорость выше торпеды, военные корабли они съедят как сухарики, отравляющие газы, пущенные из Америки их возбуждают, как алкогольные, они выйдут на Манхеттен и от брызг поднимется буря, облепив небоскребы, они свалят их. А страна, спросят, расекажи про страну, что спустит стада. — Из кабинетов, — уточним, — они вышли, мутанты. По смерти крыс мы возьмем мир чистыми руками.

Х. в железном ведре крутит белье мясорубкой, я заглянул, белье целое, вымылось. Я все ж поймал масонку, одну, и стал покрывать ее поцелуями, ничего не вышло, будучи обнаженной, ее ничем не покрыть, разве что землей (сырой). Масонки есть маленькие как бутылочки и такие, что только третий, встав на головы двух может охватить ее голени, я их наловлю все ж для ванны. Двуголовый пес, с одной стороны головы девушки, с другой мужчины бегаёт, довольный сам собой, еще бы, в одном псе семья, катится на роликах то туда, то сюда. Кассиопей кассиопей! Я по лесу шел в черном шелковом плаще (зонтиковом); по всему миру строятся колонны силлогизмов, Пти-пти, простыни висят на заклепках при дворе, ночью в них кутаются призраки и стучат в окно: помни обо мне! Лето уж не то, осенне-летнее, птицы застегиваются на пуговицы, скоро на Юг, совещаются о военачальнике, вострубят аисты в полет, и эти громады поднимут шасси, махая руками в меховых одеждах, помчатся вытянувшись, мелкая птичка полетит из угла в угол. Костюм чищу, очки, чтоб не забрызгать от метеоров, колбасу ем, на долго, ос нет, небосклон затянут парашютами, спускаются психовиды под крышу туч, стеклоцентрали. Дом построен безвыходно и живые л-ди бьются о четыре стены, солнце поворачивает окна, пол смывает, мужчин нет. Куда идет время безнадежно пустое, в выдыхание, если закрыть глаза — оранжевое море, солнце давит на руки. Да, видел змею, змейку, гадюку без скидок, в лесах сидят змеи. Осторожность в малине. Те головы что я видел в огне, не галлюцинация, это лесные змеи, это они стоят качаясь на хвостах, а не кусты, это они бьются головами звонко по лесу, это не бурелом, а клубки змей. Спасет огонь, но кого, змеи бегут со скоростью звука, ползком а деревья сгорают; то-то я думаю, что это де-

ревья в дырах и оттуда ленточки, а это гнезда змей, и грибы съели, не лося почерк, змеи; и болота развели вроде ваня; ну что ж будем ходить в змеевник, ведь и они боятся нас. Они не боятся, у них грудь женская: если гнуть.

Рыбаки ловят маснонок, с удилищами, машины распахнуты настезь чтоб обнаженную масонку втащить, уж задние кресла готовы для бега и венчания, лежат кольца и трава, чтоб доехать до брака в целости, без помарок. Увы, ловли нет, рыба идут, всякие хвостики и ротики, но не масонки, не идут, может они под озером живут, под дном в верхних этажах лавы и огнем дышат? Мне они попадают часто, но уплывают в ящиках долга. Еще лес золотится от них утром. У масонки (пойманной) гладкий таз, больше ничем не отличается, я долго рассматривал на полу, я мог бы не ловить, а раздеть немку, москвичку, великобританку,— то же, те же члены, так же расположены. Только в них есть что-то голословное, тянет к ним, уложив повыше, (масонку!) я зажег печь и рисовал на ней (на масонке) химическими грифелями, прокалю иглу и зафиксируем, останемся в веках, а она напротив, обнимается, я стрелял в нее шприцем из ружья, она падала с башни высотой 72 м. Устала, большой палец грызет.

Чтоб стать огненным (станем!), сколько книг сжигается, бесполых, горит графит, в каждом бревне не более пяти рисунков углем, а в дымоходе — сажи на пузырек туши, ее не делают, труб будто б нет. У нас лицо розовое с мылом мытое, не притерешься, каждый мечтал стать трубочистом, мы стеклышки от них поднимали и в спичках берегли. Жизнь пламени короткая, огонь пеплом закрывается, стынет, остыл. Теперь тепло. У углей цвет электрический. В будке песик с ложкой, а котик лежит на собаке, ухо кусает ей, велосипед прислоненный спиной к стене, не ступить в дождь. Труба неогненная, пустопорожняя. Одна ночь становится полужизнью с женщиной, или наоборот, проснешься один и ударишься о кровать головою, кто ты, себе не нужная рукомойня.

Их будут ловить тралами, идут полные поезда миссионеров из Татарии, татаровидные хотят весь мир закурносить и оскулить. А у маснонок шейка. Идут по Балтике масонкобойные флотилии флот с гарпуном полным яйцеклеток, втыкается в тонкие тела. Масонки ж, убитые гарпунами для кансервов, взрываются в банках и летят вверх корабли от подводных молний. Ко мне приходят масонки, прямо на чердак и сквозь доски светятся их тела. Иногда в одном луче, если дождешься влетает 20—30 маснонок. Иногда из печи. Я долго не видел их лиц: рубиновые и изумрудные...

Крупноплодные девушки, бело-вато-лебеди, дождь от простуд сердца, кровь по каким законам ходит с боку на бок? Ч(еловек) слишком сделан, чтоб быть производным от кого-то. Жизнь мала, луны нет, от холмов веет красным, дорога све-

жепосыпана, пес головой качает из будки, тринадцатилетний мальчик на мотоцикле, куда б ни пошел я, он с ревом выходит из-за горы, в шлеме, веснушчатый, поднимаясь в воздух; я снимаю плащ и в последний момент изгибаю спину назад и он пронесется мимо, не сломав мне позвоночник, однажды я зажег сигарету, он испугался огня и исчез. Лодки на озере как воткнутые булавкой в гладь, никто не ездит без воли. Собачка уходит в тень, на камень. Человек не растет из земли, он уходит в землю, и из него растут штуки. В жизни моей я девять раз ездил на каталке, в операционную. Я приучил себя сохранять вид павлина, суперптицы до каталки, даже ночь перед резьбой чувш, спи мотлично, даже брание интимных деталей не страшно; спим, просыпаюсь, как все; жду с легким недомоганием, когда ж каталка, без дрожания, безболезненно, не печалюсь; но когда каталка, раскрыв обе половины палаты — въезжает, с сестрою в монашеском, и идет к моей койке, — ужас, ужас, брание сердца на предельных нотах ударов; едешь по коридору и страх сменяет сердце, бьется ударами топора, затем в вену начинают вводить что-то липкое, делают уколы в глаза, протяжные, уколы в черепную коробку, и шьют, глаз зашивают. Эта операция психически страшная, рванят иглами мозг, и это он реагирует, а не ты. Но когда режут живот с консилиумом, профессура в женских платках, — ты спал, и в глазах плазма, тела переплетаются с телами, рождаясь, это видения (вынутые) первомира. Потом кормят киселями и дают книги Клаузевица. Голова отмокла, я сижу у дверей, как голый пес, сидящий шпион, сидя шпионить лучше всего, спи спокойно, дорогой, время летит как, тютелька. Ребенок (китайка) улыбается, как тигренок, мне мешает ее половая незрелость, привести в равновесие секс несложно, придешь с бега, вынешь ноги из сапог, и они летят по комнате, бьются о стены от легкости. Я надел белую шляпу к плавкам для приличия, гулял у озера, под дубом видел убитую сову. Туманная вода идет из чайника, вечером грибок нашел, иду вокруг озера, золотится, вода шумит, гладкая, утки плывут головой вниз, а с боку грибок стоит красноплеменной так на виду, что никто не взял. Я взял. Красный цвет сразу ж вянет в руке, и сахар грибной тает, для чего ж жизнь ради того, чтоб дышать, тоже мне шедевр — дыхание. Я вынул ключ и долго ждал, кто топнет о порог, не отозвалось в пустом доме, и я стал спать. Рыжиньки растут у деревни П., а дальше дорога, мох, елки, рухлядь и рыжиньки, те места знаю я, я обычно беру белых, красных и им подобных, насверлю землю и натыкаю их вблизи рыжиньков, у трассы, грибки на машинах, выходят из машин, как у Хемингуэя, с ножами, свежееотточенными, огнеблещущиенсабли, за поясом лассо и идут на рыжиньких цепью: пригнувшись, в крашенных шляпах для маскировки. И что же? Им напере-

рез стоят белые (мой!) красные, маслята (звонкие), грузди; эти крадутся, думают обманывают, нет, тогда они хватают корзины (магазинные) и насыпают, отличные грибы в них, вывинтив из земли; уж мест нет на сиденьях от корзины и, забыв обо всем на свете, кладут в машины эти штуки и с победой летят, их крики слышны долго; выследив до конца, как все вынута ими и уедут, гремя голосами, я выхожу к мону, к рыжинькам. Я беру столь же свежее-ржаной хлеб, солю солью как для лошади и меж двух буттер кладу шляпки рыжиньков. Антракт, можно час предаваться склонностям. Через час ем бутерброд, он готов, это идеально, есть надо так, как я пишу. Прокладка делается не менее, чем из 12 шляпок. Съев (не надо медлить!) нужно встать и уйти, они дают много силы. Нужно идти на охоту на масонок, они издадека идут на запах рыжиньков, и их легко взять, губы держа наготове. И с порошком мухомора масонку взять можно, но спереди, с длиною речью, рассчитанною на образованную аудиторию. Лучше чтоб ты рыжиньков насолил на хлеб и дал.

Последний день лета, уже печет солнце холодно, детям в тюрму, на доски с есть, как несчастным, млн. детей идут к схоластам, чтоб их те лоботомировали, а те в лобну кость в пятнышко жалом лжи сверлят, сверлом неправоты, соком тупоголовости поят, логопеды. Мы шли под горохот канонады из школ в орды, в демонитчики, в голоса, школы пусть колышутся! Сейчас не уйдешь, шоколад в маринованных банках дают на язык, мини-ширинку мальчику в штаны шьют, чтоб на уроках ссал не в туфлю учителю, а в стул, утром побудка и на шею петлю, тащат в кухню, чтоб жрать жир, а хуже всего морду мыть, чтоб глаза жгло, да и руки не работают, потом мать и отец берут по автомату и проверив огнестрельность, ведут, подталкивая, дулом в шею. Где э освободитель, малыши? Выпить бы пол-порции коньяка, взять девушку на туфяк своего возраста лет 7—9, отлюбить это, а уж завтра писать на их химических сетках цифры. Нет, идут гремя ногами, руки распустив, и так 10 лет, выйдут из школы пустые, но штампу, молокодающие, головооногие малютки, и цианистое солище взбултыхнется.

Гори моя лампа, голубой уголь, фарфор с майоликой! Пропадаем! В день, когда солнце целое и от него одиннадцать тещ. пламенных слов, гори в рукавицах, лампочке, ровногорящая. Нет йода! Полночи занавесью фонарь закрывал, ем язычок вороной, приятно, ч-к плосок и двигается на фоне плоского неба, в корзине лежат 16 масонок, я гнездо спшил, желтый цвет поздней готики, ритмическая родина. Пропадаем, рудинитарные отростки, я сплю, как плясун. Известны два подлинновика — Брут и Иуда, чародеи. Одни выдохли, а не писания. Озеро с горы, форм нет, 9 час. вечерком, сколько чувства

гибнет при переворачивании женщины, я руки сдвинул к животу, готов. Золотое небо сверкало везде, чистопородные мы четверо: земля, небо, пес и я, у нас голосовые связки на ночь. Ночь пустая, голова не пишет, белка у озера стоит как, девица, лодки стоят у причала, как балльные пары, в воде сидит старуха, смотрит в щели, ждет выстрела. В гостинице стучат топором (по убитому?). Я б спал на горе, обложившись углями, положив под голову печеную картошку, штук шесть, чтоб слуга Сильфан дал в губы бутылку. Что такое в окне, полным тоски — молнии в августе, крупные бьют по лесам, т. ск. гром для дров.

Уезжай, твои дни проеханы, ничего ты тут не отыщешь в себе, сушу шкурки масонок, на мировом рынке купит Метрополитенмузеум, у них художественная ценность, моя выделка. Только в себе можно найти гамму, ноги напудрены. Отпустите меня на тот свет, я — книга, мутант, мира, несущество, остальные — мертвые времена. Нашел золотой дубовый букет, вставил в вазу, сидел у озера на тонкой скамеечке, и кто-то меня лизнул сзади в шею, уши; утки у берега, катающиеся, запорхали, я оглянулся, тонколицая колли лизнула в морду, пекло солнце, потом псина вбежала в воду и, как туча, поплыла уток гнать, и те отъехали; успех нужен в юности, иллюзия, золотая иллюзия юности, необходимость. Еще голубое небо и заката нет, потому что впереди надежда — нуль зоофилия, вырождение, женщины поют женщина, тоже ведь о животных. Много ль дано огню? Есть строения линий, о них нельзя говорить, осень, уж ехать надо, 10 (цифру) соблюдать, едем, едем.